

25. Анархисты в правительстве Каталонии (июль – декабрь 1936 г.)

Начиная с подавления военного мятежа в Каталонии 20 июля 1936 г. и до начала декабря того года политическое влияние НКТ-ФАИ в Каталонии было преобладающим. В первые несколько недель они занимали ведущее положение в Центральном комитете антифашистской милиции, который являлся действующим правительством региона, хотя Хенералидад Каталонии, возглавляемый президентом Луисом Компанисом, продолжал существовать в качестве теневого режима. В дальнейшем, после формального вхождения в правительство Хенералидада в конце сентября, анархисты продолжали господствовать в региональном правительстве до того, как оно было реорганизовано в декабре 1936 г. После этого анархистам пришлось перейти к обороне.

Первая встреча анархических лидеров с Компанисом

Едва затихли бои на улицах Барселоны, как, ближе к вечеру 20 июля, президент Каталонии Луис Компанис позвонил в региональную штаб-квартиру Национальной конфедерации труда и попросил прислать делегацию во дворец Хенералидада. Группа, состоявшая из Хосе Асенса из Регионального комитета, Аурелио Фернандеса, Буэнавентуры Дуррути, Хуана Гарсии Оливера и Диего Абада де Сантьяна, отправилась во дворец и встретила с президентом.

В своих мемуарах Хуан Гарсия Оливер изложил содержание дискуссии между Компанисом и лидерами НКТ:

“ «Компанис признал, что мы, барселонские анархо-синдикалисты, в одиночку разгромили мятежную армию. Он заявил, что к нам никогда не относились так, как мы заслуживали, и что нас несправедливо преследовали. Что теперь, как хозяева города и Каталонии, мы можем решать, принять ли его предложение о сотрудничестве или отослать его домой. Но если мы думаем, что он всё же может оказаться полезным в борьбе, которая, даже если она определённо завершилась в городе, неизвестно когда и неизвестно как

завершится в остальной Испании, то мы можем рассчитывать на него, на его верность как человека и политика, не сомневаясь в том, что унижительное прошлое закончилось и что он искренне желает, чтобы Каталония шествовала во главе наиболее социально развитых стран»¹.

Они согласились, что он останется главой Хенералидада.

Далее Компанис сказал, что, если анархисты не возражают, он займётся созданием Комитета антифашистской милиции, «который возьмёт на себя руководство борьбой в Каталонии». Он добавил, что, имея в виду такую возможность, он уже пригласил к себе лидеров других партий и организаций, участвовавших в борьбе против мятежных войск 19-20 июля².

По версии коммунистов, анархисты сами предложили создать этот комитет³. Это представляется весьма маловероятным, так как позднее многие в рядах НКТ говорили о нежелательности создания такого органа вместо официального провозглашения власти анархистов в Каталонии, фактически существовавшей на тот момент, причём сам Гарсия Оливер стоял во главе группы, выступавшей против Центрального комитета милиции. Версия, представленная Гарсией Оливером, который находился в центре событий, кажется более заслуживающей доверия, чем версия коммунистических лидеров, которых там не было.

После этого Компанис провёл лидеров НКТ в соседнюю комнату, где находились Хуан Коморера из Социалистического союза Каталонии, Рафаэль Видьелья из каталонского отделения Испанской социалистической рабочей партии, Вентура Гасоль из «Левых республиканцев Каталонии», Рамон Пейпок из «Каталонского республиканского действия», Андрес Нин из Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ) и Хосе Кальвет из крестьянской организации – Союза рабасайрес⁴. Коммунистическая история Гражданской войны утверждает, что собравшиеся политики договорились о создании нового правительства Народного фронта в Каталонии, в котором должны были участвовать все представленные на встрече партии и организации⁵. Однако нет никаких указаний на то, что тогда анархическим лидерам было сделано такое предложение. Их встреча с собравшимися политиками свелась к рукопожатиям и обмену любезностями.

Затем анархические лидеры удалились и провели короткое совещание. После этого Гарсия Оливер от имени делегации сообщил Компанису, что они пришли только для того, чтобы выслушать его, а не чтобы вести какие-либо переговоры, поскольку они не имели представления о том, что он собирается предложить. Гарсия Оливер сказал президенту, что они вернутся в региональную штаб-квартиру НКТ и обсудят его предложения с Региональным комитетом.

После недолгого заседания Регионального комитета было решено телефонировать Компанису о том, «что учреждение Комитета антифашистской милиции Каталонии одобрено в принципе, если достигнуто соглашение о его составе, и что для окончательного ответа нужно дождаться решения Пленума местных и комаркальных организаций, который должен пройти 23-го...» Было решено, что Аурелио Фернандес, Буэнавентура Дуррути и Хуан Гарсия

Оливер будут продолжать переговоры о характере создаваемого Комитета милиции с Компанисом и представителями различных партий и групп, пока НКТ не вынесет окончательное решение об участии или неучастии в нём.

Пленум 23 июля 1936 года

Через три дня после встречи анархических лидеров с президентом Компанисом состоялся судьбоносный пленум анархистов. Это собрание делегатов от всех местных и комаркальных организаций НКТ и ФАИ в Каталонии приняло решение, определявшее направление и политику либертарного движения на протяжении следующих двух с половиной лет. По существу, практически все политические шаги движения вплоть до падения Республики вытекали из основополагающего решения, принятого на пленуме 23 июля 1936 г.

Заседание проходило в здании, которое анархисты конфисковали под свою барселонскую штаб-квартиру. Это был особняк ведущей каталонской организации собственников – «Развитие национального труда» (Fomento del Trabajo Nacional), располагавшийся на улице Лаетана, в полутора кварталах от кафедрального собора в центре города; теперь здесь разместились местные комитеты НКТ и ФАИ, их региональные комитеты, а также Полуостровной комитет ФАИ и комитеты «Либертарной молодёжи» и Союза свободных женщин.

Основной вопрос пленума сводился к тому, должны ли анархисты взять власть в Каталонии и установить либертарный коммунизм или им следует утвердить решение об участии в Комитете антифашистской милиции и тем самым согласиться разделить власть (в большей или меньшей степени, смотря по обстоятельствам) с другими организациями и партиями, объединившимися против военных мятежников и вставшими на защиту Республики. Безусловно, это был самый значительный вопрос из тех, что могли волновать каталонских – и испанских – анархистов.

Первой в пользу взятия власти высказалась комаркальная делегация Бахо-Льобрегата. Её представитель, как он сам заявил, «понял, что с Комитетом милиции продвижение к социальной революции будет остановлено... Он предложил отозвать делегатов НКТ и ФАИ и продолжать революцию вплоть до установления либертарного коммунизма, что соответствует решениям организации и её принципам и идеологическим целям».

Хуан Гарсия Оливер поддержал предложение делегации Бахо-Льобрегата, утверждая, что Компанис и другие партии и группы смотрят на Комитет антифашистской милиции как на «второсортный полицейский комиссариат». Он доказывал, что «ошибки могут и должны быть исправлены», и добавил:

“ «...Революционный процесс приобрёл такую глубину, что это обязывает НКТ весьма серьёзно задуматься, так как, будучи главным элементом в революционном лагере, она не может оставить революцию без контроля и руководства, поскольку это создаст обширный вакуум, как в России в 1917

г., которым воспользуются марксисты всех направлений, чтобы взять на себя руководство революцией и уничтожить нас».

В заключение Гарсия Оливер сказал: «Настал момент с полной ответственностью завершить то, что было начато 18 июля, отбросить Комитет милиции и подтолкнуть события, чтобы, впервые в истории, анархо-синдикалистские профсоюзы пошли до самого конца и построили либертарно-коммунистическую жизнь по всей Испании».

Федерика Монсень, Диего Абад де Сантильян, Мариано Васкес («Марианет») выступили против позиции Бахо-Льобрегата и Гарсии Оливера, каждый со своими аргументами. Монсень сказала, что «её совесть анархиста не позволит ей согласиться... идти до конца, как предложил Гарсия Оливер, поскольку это означало бы установление анархической диктатуры, которая не могла бы быть анархической именно потому, что это была бы диктатура».

Диего Абад де Сантильян утверждал, что любая попытка анархистов «пойти до конца» оказалась бы недолговечной. Он говорил, что зарубежные державы непременно организуют блокаду Каталонии, и упомянул о нахождении британских кораблей в гавани Барселоны, что указывало на возможность вооружённой интервенции. Он призвал продолжить сотрудничество в Комитете милиции, «воздержавшись на данный момент от осуществления либертарного коммунизма на практике».

Марианет также высказался за то, чтобы продолжать участие в Комитете милиции, «не прекращая фактического правления с улиц». Он сходным образом выступил против «компрометирования организации диктаторскими методами, как произойдёт в случае, если НКТ пойдёт до конца...»

Делегат из Бахо-Льобрегата и Гарсия Оливер, в свою очередь, ответили на аргументы Монсень, Абада де Сантильяна и Марианета. Однако они больше ни от кого не получили поддержки. Многие обратили внимание, что Буэнавентура Дуррути, который также присутствовал, не участвовал в дебатах ни на одной стороне, хотя до тех пор он был весьма близок к Гарсии Оливеру.

Наконец вопрос был поставлен на голосование. Единственной делегацией, которая проголосовала за предложение Бахо-Льобрегата выйти из Комитета милиции и немедленно приступить к установлению либертарного коммунизма, была сама делегация Бахо-Льобрегата. За предложение продолжить участие в Комитете милиции, внесённое затем Диего Абадом де Сантильяном, проголосовали все остальные делегации.

Однако драма июльского пленума на этом не закончилась. После его окончания члены группы «Мы» ФАИ, включавшей таких видных анархистов, как Гарсия Оливер, Дуррути, Грегорио Ховер, Рикардо Санс, Антонио Ортіс, Доминго и Хоакин Аскасо и Мигель Гарсия Виванкос, собрались в штаб-квартире Комитета милиции. На этом собрании Хуан Гарсия Оливер предложил, чтобы милиционеры, которых Дуррути был должен возглавить на следующий день, немедленно захватили главные правительственные здания и объекты инфраструктуры Барселоны и провозгласили либертарный коммунизм. Буэнавентура

Дуррути выступил против, говоря, что до возвращения Сарагосы и установления анархического контроля над Арагоном это будет несвоевременным. Очевидно, никто из остальных присутствующих не поддержал предложение Гарсии Оливера, и возможность «идти до конца» более не рассматривалась.

Вероятно, лучше всего значение решения, принятого анархистами 23 июля 1936 г., выразил сам Гарсия Оливер:

“ «Между социальной революцией и Комитетом милиции организация выбрала Комитет милиции. Время должно было рассудить, кто был прав: большинство Пленума... или комарка Бахо-Льобрегат, которая вместе со мной настаивала на продолжении социальной революции в условиях как никогда многообещающих»⁷.

Безусловно, решение каталонских анархистов является лучшим опровержением утверждения некоторых их оппонентов, в особенности сталинистов, о том, что во время Гражданской войны анархисты стремились установить собственную диктатуру. Такие утверждения встречаются и в коммунистической истории Гражданской войны под редакцией Долорес Ибаррури и других: «Побуждаемые желанием осуществить свою “революцию”, анархисты, вместо того чтобы полностью включиться в войну против фашизма, готовились установить свою гегемонию над остальными рабочими и демократическими силами, накапливая и скрывая в тылу огромное количество оружия; там, где они могли установить диктатуру комитета ФАИ, они отказывались признавать Народный фронт и существование республиканского правительства». По словам Ла Пасионарии и её коллег, они стремились к «установлению анархической диктатуры по всей Испании»⁸.

Франк Еллинек, который в целом больше сочувствовал сталинистам, чем анархистам, опровергал это утверждение испанских коммунистов. Он писал в середине 1937 г.:

“ «У анархистов была власть. Они не стали её использовать. Они ещё стояли на распутье и, отказываясь от предложенной Компанисом ведущей роли в Хенералидаде, они тем не менее не стали уничтожать Хенералидад»⁹.

Учреждение Центрального комитета антифашистской милиции

Тем временем, прежде чем анархисты приняли окончательное решение об участии в Комитете антифашистской милиции, этот орган уже принял свою форму. Фактически его первое заседание состоялось поздним вечером 20 июля, и на нём, по-видимому, присутствовали Хуан Гарсия Оливер, Буэнавентура Дуррути и Аурелио Фернандес от НКТ, Хосе Таррадельяс, Артемио Айгуадер и Хайме Миравильес от «Левых республиканцев Каталонии» (ЭРК), Рамон Пейпок от «Каталонского республиканского действия», Хуан

Коморера от Социалистического союза Каталонии, Рафаэль Видьелья от ВСТ и Испанской социалистической партии и Хулиан Горкин от Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ). На этом заседании Хосе Таррадельяс предложил исключить из Комитета экстремистскую партию «Эстат Кatala», поскольку её лидер Хосе Денкас (который сыграл ведущую роль в восстании в октябре 1934 г.) проявил фашистские симпатии, найдя себе убежище в Риме. По предложению Гарсии Оливера было решено официально образовать Комитет милиции в составе трёх представителей НКТ, трёх – ВСТ, трёх – ЭРК, двух – ФАИ и по одному – от «Каталонского действия», ПОУМ, социалистов и крестьянской организации рабасайрес¹⁰.

Однако президент Луис Компанис, невзирая на то, что он говорил лидерам НКТ 20 июля, не собиравшись допустить, чтобы Комитет антифашистской милиции стал второй властью наряду с каталонским Хенералидадом. Это ясно давал понять декрет, опубликованный в официальном бюллетене Хенералидада 22 июля. Декрет провозгласил создание «гражданской милиции для защиты Республики», назначил Энрике Переса Фарраса командующим милицией, а Луиса Прунеса – уполномоченным по обороне Каталонии и объявил, что «создаётся комитет гражданской милиции по координации и управлению, состоящий из делегата, назначенного советником по внутренним делам, другого делегата, назначенного генеральным комиссаром общественного порядка, и представителей профессиональных и политических организаций, участвующих в борьбе против фашизма»¹¹. Очевидно, что в представлении Компаниса Комитет милиции должен был быть полностью подчинён правительству Хенералидада.

Однако анархисты были категорически несогласны с этим. Они ясно дали понять это на заседании Центрального комитета антифашистской милиции, которое прошло позднее в тот же день – и участники которого, за исключением анархистов, были более низкого ранга в своих организациях, чем те, кто присутствовал на первом заседании двумя днями ранее. Когда Луис Прунес попытался руководить ходом заседания, Гарсия Оливер незамедлительно бросил ему вызов:

“ «Я сухо оборвал его, сказав, что собравшиеся здесь пришли не для того, чтобы обсуждать гражданскую милицию, о которой мы ничего не знаем, а чтобы организовать Комитет антифашистской милиции Каталонии, что было в принципе решено после краткого обмена мнениями между представителями НКТ и президентом Хенералидада, с согласия лидеров остальных антифашистских секторов Каталонии».

После этого Гарсия Оливер представил проект декрета о Комитете антифашистской милиции, состоявший из семи пунктов. После продолжительного обсуждения этот декрет был принят делегатами. В первом пункте говорилось: «Устанавливается революционный порядок, поддерживать который обязуются все организации, входящие в этот комитет». Последующие пункты декрета определяли, какие революционные полицейские силы будут находиться в подчинении комитета, и уполномочивали все группы, участвующие в комитете, открыть «центры вербовки и обучения» милиционеров. Заключительный пункт гласил:

«Комитет надеется, что, принимая во внимание необходимость установить революционный порядок для противостояния фашистским формированиям, ему не потребуется прибегать к дисциплинарным мерам, чтобы добиться подчинения»¹².

Когда эта резолюция была принята, собрание обратилось к другим текущим делам. Прежде всего, нескольким членам Комитета были поручены определённые функции. Хуан Гарсия Оливер был назначен главой Военного отдела; Аурелио Фернандес, также член НКТ, был назначен главой Отдела внутренней безопасности; Дуррути был назначен руководителем транспорта. Хайме Миравильеса из ЭРК назначили главой пропаганды; Хосе Торренса из Союза рабасайрес сделали ответственным за снабжение. Одновременно Хосе Ансенс из НКТ и Томас Фабрегас из партии «Каталонское действие» были прикреплены к Отделу внутренней безопасности, а Диего Абад де Сантьян стал помощником в Военном отделе, отвечавшем за организацию милиции.

Затем перешли к обсуждению угрозы, которую создавал захват мятежниками большей части Арагона. Было решено, что первой военной задачей Комитета станет отправка колонны милиции в Арагон, для возвращения Сарагосы и Уэски. Буэнавентура Дуррути вызвался организовать и возглавить эту колонну, и Комитет согласился с этим, также назначив майора Энрике Переса Фарраса техническим советником колонны. Вследствие этого Региональный комитет НКТ должен был избрать на место Дуррути нового члена Комитета милиции, и он выбрал Маркоса Алькона из синдиката стекольной промышленности¹³.

Таким образом, по инициативе анархистов, входивших в него, Центральный комитет антифашистской милиции де-факто конституировался как действующее правительство Каталонии. Это положение сохранялось до 27 сентября 1936 г.

Характеристика Центрального комитета антифашистской милиции

Нет сомнений в том, что с 20 июля по 27 сентября реальная власть в Каталонии находилась в руках Центрального комитета милиции. Хотя правительство президента Компаниса продолжало действовать и издавать декреты, его решения не имели никакой силы, если не были утверждены Комитетом милиции.

Я лично убедился в этом при одном случае, который был незначительным, но тем не менее показательным. Примерно через месяц после начала Гражданской войны я несколько дней пробыл в Барселоне. У меня был небольшой ящичный фотоаппарат, и мы с моим гидом считали, что будет неплохо получить официальное разрешение на его использование. Вначале мы отправились за этим в городской совет Барселоны. Там нам сказали, что они не уполномочены давать такие разрешения, и посоветовали пойти в Хенералидад. Там нам также ответили, что у них нет соответствующих полномочий, и предложили обратиться в Центральный комитет милиции.

В Центральном комитете милиции ни секунды не сомневались в том, что у них есть полномочия разрешить мне использовать мою фотокамеру. После того, как я согласился передать им через своего гида использованную мной плёнку – которую они обещали отослать мне после проявки (и они выполнили это обещание), – я получил документ, подписанный Хайме Миравильесом как заведующим пропагандой Комитета милиции, дававший мне право использовать фотокамеру когда угодно.

Первые два месяца Гражданской войны именно Центральный комитет милиции выполнял практически все правительственные функции в Каталонии. Диего Абад де Сантьян говорил:

“ «Комитет милиции одновременно был военным министерством в условиях войны, министерством внутренних дел и министерством иностранным дел и вдохновлял аналогичные органы в экономическом и культурном секторах»¹⁴.

Именно Комитет организовывал и отправлял на фронт в Арагоне – а также Леванте и Мадриде – формирования милиции, обеспечивал их снабжение и стремился централизовать руководство ими. Именно Комитет взял на себя инициативу создания Совета экономики Каталонии, пытавшегося упорядочить экономическую жизнь региона и реорганизовать его школьную систему. В предыдущих главах мы рассматривали военный, экономический и образовательный аспекты деятельности Комитета антифашистской милиции, некоторые решения которого получили правовую основу в декретах Хенералидада Каталонии.

Другой первоочередной заботой Комитета было поддержание общественного порядка. Для анархистов это было особенно трудной задачей, в силу укоренившегося неприятия государственной власти, которую им фактически пришлось осуществлять.

Хотя Штурмовая и Гражданская гвардия бок о бок с рабочими боролась против мятежа 18–20 июля и некоторые её части сохранили свой личный состав, она в значительной степени была деморализована и дезорганизована. Полицейские функции в первые месяцы Гражданской войны в основном ложились на так называемые контрольные патрули (*patrullas de control*), созданные профсоюзами и политическими группами, участвовавшими в уличных боях¹⁵.

В этих патрулях находилось 700 человек, среди которых 325 были из НКТ, 145 – из ВСТ, 45 – из ПОУМ и 185 – из ЭРК. Они действовали под наблюдением 11 секционных делегатов (четырёх от НКТ и ЭРК и трёх от ВСТ), а Хосе Асенс из НКТ был генеральным секретарём организации. Контроль над работой патрулей осуществлял Аурелио Фернандес, член Комитета милиции, отвечавший за общественный порядок. Довольное долгое время существовали также полицейские отряды, сформированные различными партиями и профсоюзными группами.

Вскоре была организована и судебная система. В Барселоне были созданы Комитет юстиции Каталонии и Юридическое бюро, возглавляемые Эдуардо Барриоберо и Анхелем Самбланкой, двумя адвокатами, входившими в НКТ. В Таррагоне, Хероне и Лэриде были

учреждены революционные трибуналы, состоявшие из непрофессионалов, обычно рабочих. Сесар Лоренсо отмечает:

“ «Эти органы оформляли браки и разводы, рассматривали гражданские и коммерческие споры, призывали к ответу нарушителей и заведовали тюрьмами, судили мятежников, подозреваемых и безответственных людей и т.д.»¹⁶.

Аналогичным образом была организована охрана порядка на местах в остальной Каталонии, стараниями новых муниципальных властей, созданных после 20 июля. В том, что касалось полицейских функций, полномочия Комитета антифашистской милиции не выходили далеко за границы столичного города¹⁷.

В то время и впоследствии, стремясь дискредитировать анархистов и особенно их роль в Каталонии в первые месяцы войны, коммунисты рисовали работу этих патрулей самыми мрачными красками. Так, Хесус Эрнандес пишет о «зловещем окрике “стой!” контрольного патруля, арестах, тщательном поиске среди документов билета ОСПК или ВСТ с целью расправы», пишет, что «по утрам в предместьях города находили трупы убитых», и утверждает, что более 200 работников трамвая и автобусного транспорта были убиты патрульными¹⁸.

Сами анархисты опровергали подобные заявления. Диего Абад де Сантильян говорил об этой импровизированной полиции:

“ «Мы не защищаем институт патрулей, как не защищали мы гражданскую или штурмовую гвардию. Но они обладали чувством гуманности и ответственности, благодаря которому они оставались верны защите нового революционного порядка. Со временем они, возможно, стали бы всего лишь ещё одним полицейским корпусом, но клевета, которой они подвергались, была бездоказательной... Население, пережившее первые десять месяцев революции в Каталонии, подтвердит эту разницу в сравнении с репрессивными методами, которые стали применяться после, при “порядке”, установленном Прието, Негрином, Сугасагойтией, с пыточными камерами Коммунистической партии и Главного управления безопасности...»¹⁹

Абад де Сантильян настаивал, что Комитет милиции и, в частности, анархисты подвергали наказаниям тех патрульных, которые злоупотребляли своей властью. Он ссылается по крайней мере на два случая, когда анархисты, пользовавшиеся известностью на местах, были казнены за подобные злоупотребления²⁰.

Влияние анархо-синдикалистов в Комитете милиции было всецело преобладающим. Франц Боркенау в своих дневниковых записях о первом посещении революционной Испании в августе 1936 г. отмечал:

«В Барселоне правит, кроме прежней региональной администрации каталонского Хенералидада, новый Центральный комитет милиции... составленный, на основе паритета, из представителей всех антифранкистских политических партий и профсоюзов, но фактически в нём преобладает влияние анархистов...»²¹

Разумеется, президент Компанис не был доволен тем, что Хенералидад был оттеснён на задний план Центральным комитетом милиции, что он и демонстрировал при случае. Хуан Гарсия Оливер вспоминал, как однажды Компанис без предупреждения явился на заседание Комитета и обвинил его в неспособности поддерживать общественный порядок:

“ «Я обязан заявить вам, что если вы неспособны восстановить порядок... то я сделаю это средствами, находящимися в моём распоряжении».

Как отмечает Гарсия Оливер, стоял вопрос: «...Кто отныне будет управлять, правительство Хенералидада со своими штурмовыми гвардейцами или Комитет милиции со своими милиционерами». Он сам, не вставая с места, ответил:

“ «Нам лучше сделать вид, что мы не слышали тебя, Компанис. У нас много работы. Враг у ворот Каталонии. Всего хорошего!» Компанис «стоял ошеломлённый. С этого момента было чётко установлено, что именно Комитет антифашистской милиции будет направлять судьбы Каталонии»²².

1 августа, с явной целью расколоть Комитет милиции, президент Компанис назначил новый кабинет во главе с Хуаном Казановасом, спикером каталонского парламента, включавший представителей вновь образованной Объединённой социалистической партии Каталонии, а также рабасайрес. Однако, хотя Мариано Васкес, региональный секретарь НКТ, дал предварительное согласие на эти изменения в каталонском правительстве, Хуан Гарсия Оливер и другие анархисты в Комитете милиции отреагировали крайне негативно. Они потребовали провести повторную реорганизацию кабинета, исключив из него членов ОСПК. Новое правительство, созданное 6 августа и действовавшее до 27 сентября, включало девять советников от «Левых республиканцев Каталонии», одного – от «Каталонского действия», одного – от Союза рабасайрес и одного военного, полковника Фелипе Диаса Сандино²³.

В какой-то момент президент Компанис и другие лидеры его партии, очевидно, подумывали о возможности задействовать полицейские силы и вырвать контроль над Каталонией из рук анархистов. Согласно Рональду Фрейзеру:

“ «Обсуждалось предложение собрать все подразделения Гражданской гвардии, остававшиеся в сёлах. До анархистов дошли слухи об этом плане: Миравильес и Таррадельяс от имени Хенералидада встретились с Дуррути, Гарсией Оливером и Мариано Васкесом из НКТ; те пришли вооружёнными».

По словам Хайме Миравильеса, которые приводит Фрейзер, анархисты сказали на этой встрече: «Если вы попытаетесь собрать Гражданскую гвардию, мы немедленно объявим всеобщую забастовку; Хенералидаду и лидерам ЭРК устроят бойню». Миравильес добавил:

“ «Они хорошо понимали, что план направлен против них, что эти силы будут использованы для борьбы с ними, чтобы отнять у них контроль над ситуацией, и они были готовы выполнить свою угрозу. Естественно, приказ Гражданской гвардии не был отдан»²⁴.

Эти политические манёвры подчёркивали проблему, которая сохранялась значительную часть войны: отношения между анархистами и каталонскими националистами. Противостояние достигло кульминации в первые дни мая 1937 г., когда во время вооружённого конфликта Компанис и его соратники поддержали сталинистов в их борьбе с НКТ, которая закончилась отстранением анархистов от контроля над региональной политикой. Но, по иронии судьбы, это же сделало лидеров ЭРК фактическими заложниками сталинистов и привело к почти полному уничтожению автономии каталонского режима, которая была самым заветным стремлением каталонских лидеров.

Местные власти в Каталонии

Пока в Барселоне создавался Комитет милиции, разумеется с расчётом на то, что его контроль будет распространяться на всю Каталонию, новые революционные власти фактически были организованы на местном уровне по всему региону. Согласно Виктору Альбе:

“ «19–20 июля были сформированы комитеты, которые фактически установили свой контроль на местах. Они почти всегда создавались в здании муниципалитета, реквизировали автомобили, проводили аресты, изымали оружие, занимали здания, выдавали разрешения на проезд, размещали вооружённые посты на дорогах.

В некоторых местах – на чём особенно настаивали поумисты – эти комитеты формировались исключительно из представителей рабочих организаций, без делегатов ЭРК или “Каталонского действия”. В других местах, где поумисты были менее влиятельными, сэнэтисты соглашались на участие представителей республиканских партий. В Лериде, где ПОУМ была тем же, чем НКТ была в Барселоне – основной силой, – комитет состоял из представителей НКТ, ПОУМ и ОСПК. Жозип Родес из ПОУМ был председателем и комиссаром общественного порядка»²⁵.

Однако Лерида являлась исключением. Сесар Лоренсо отмечает: «В целом, революционные комитеты формировались из представителей всех политических и профсоюзных групп, но либертарное влияние было преобладающим». Он говорит, что в некоторых случаях комитет полностью состоял из членов НКТ, а иногда НКТ даже не была представлена.

В качестве примера Лоренсо приводит местные комитеты Вика, Вальса и Бадалоны. В первый из них входили два члена от НКТ, один от ФАИ, по одному от ЭРК, ВСТ, ПОУМ и Союза рабасайрес. В Вальсе было пять членов комитета от НКТ, по два от ЭРК и Социалистического союза Каталонии и по одному от ВСТ и ПОУМ. Наконец, в Бадалоне в комитет входили пять либертариев (два от НКТ, два от ФАИ и один от железнодорожного союза), по одному представителю от Социалистической партии, Коммунистической партии и ВСТ (фактически три коммуниста), по одному от Союза рабасайрес, «Каталонского действия», «Эстат Кatala» и ПОУМ и двое от ЭРК²⁶.

В теории предполагалось, что местные комитеты будут уведомлять о своих решениях комаркальные комитеты, которые, в свою очередь, будут уведомлять о них Центральный комитет милиции в Барселоне, а Центральный комитет аналогичным образом будет передавать свои распоряжения через комаркальные комитеты местным. Однако, как замечает Сесар Лоренсо: «На деле власть Центрального комитета милиции была не слишком прочной. Местные комитеты подчинялись лишь самим себе, отношения между ними и Центральным комитетом оставались весьма неопределёнными...»²⁷

Народная юстиция в революционной Каталонии

Во время существования Центрального комитета милиции и впоследствии, по крайней мере до майских событий 1937 г., в Каталонии действовала система народной юстиции. Санкционированная каталонским правительством, она заменила собой доиюльскую судебную систему в регионе.

Французская анархистка Рене Ламбере описывала народный суд Таррагоны, под юрисдикцией которого находилась данная провинция. Председательствовало в нём лицо, назначенное Хенералидадом Каталонии, было двое заседателей (хурадо), а также два обвинителя при суде. Заседатели и обвинители «назначались НКТ и ВСТ и политическими партиями. После утверждения Хенералидадом члены суда приступали к исполнению обязанностей». Им помогали секретари старого провинциального суда.

Следствие начиналось с того, что обвинители допрашивали обвиняемого, после чего выносили своё заключение перед судом, и этот орган классифицировал дело как «серьёзное, срочное и т.д.». Затем информация передавалась в антифашистский комитет того места, откуда был обвиняемый, и «запрашивались детали о его политико-социальной деятельности». После этого обвинитель и секретарь отправлялись на место, проводили заседание антифашистского комитета, изучали детали, относящиеся к делу, и просили двух членов каждой организации, представленной в антифашистском комитете, дать письменное заключение по делу. Когда они возвращались в суд, проводилось слушание с участием адвоката, выбранного обвиняемым.

Ламбере приводит два дела, которые были рассмотрены Таррагонским народным судом. По первому проходили три священника, которые обвинялись в содействии организации мятежа в Таррагоне; они были приговорены к смерти, но позднее помилованы. Вторым было дело старика, который совершил вооружённое ограбление в одном из городов провинции и утверждал, что взятые им деньги принадлежали местным землевладельцам, которые организовали в своём селе синдикат и от его имени собирали оброк с крестьян; суд признал его невиновным²⁸.

Образование Объединенной социалистической партии Каталонии

В период Центрального комитета милиции произошло одно политическое событие, которое в будущем должно было получить большое значение, – создание новой сталинистской партии, Объединённой социалистической партии Каталонии (ОСПК). Она возникла через несколько дней после 19 июля, в результате объединения каталонских отделений испанских Социалистической и Коммунистической партий и двух небольших региональных партий – Социалистического союза Каталонии (ССК) и Каталонской пролетарской партии (КПП).

Первые попытки объединить в одну организацию марксистские и полумарксистские партии Каталонии были предприняты уже в марте 1935 г., вслед за поражением октябрьского восстания 1934 г. Тогда Рабоче-крестьянский блок (РКБ) – диссидентская коммунистическая партия, более или менее тесно связанная с Международной правой оппозицией и возглавлявшаяся Хоакином Маурином, – провёл с этой целью конференцию. На встрече присутствовали не только четыре группы, которые в конечном счёте сформировали ОСПК, но также сам РКБ и «Левые коммунисты Испании» (ИСЭ), возглавлявшиеся Андресом Нином и незадолго до этого ставшие испанской секцией Международной левой оппозиции Льва Троцкого.

Виктор Альба говорил, что единственными участниками этой мартовской конференции 1935 г., которые действительно заслуживали названия партии, являлись РКБ и ССК. Остальные были «крошечными группами».

Эти первые переговоры об объединении закончились провалом. С одной стороны, Социалистический союз Каталонии, возглавляемый Хуаном Коморерой, поддерживал тесную связь с «Левыми республиканцами Каталонии» Луиса Компаниса – Коморера входил в кабинет Компаниса – и поэтому не хотел участвовать в объединении, которое могло составить серьёзную конкуренцию ЭРК. С другой стороны, сталинисты не собирались объединяться ни с Блоком, ни с «Левыми коммунистами», так как и тех, и других они считали «отступниками» и «предателями».

Как следствие, единственное, чего удалось достичь до начала Гражданской войны, было объединение в октябре 1935 г. РКБ и ИСЭ, сформировавших новую Рабочую партию марксистского единства (ПОУМ)²⁹.

Переговоры между четырьмя другими партиями продолжались в довольно вялой манере. Главным камнем преткновения в этих дискуссиях, очевидно, являлась интернациональная ориентация создаваемой партии. По понятным причинам, Коммунистическая федерация Каталонии хотела, чтобы новая партия вступила в Коммунистический Интернационал, тогда как председатель Каталонской федерации Испанской социалистической рабочей партии Рафаэль Видьелья, в то время убеждённый сторонник Ларго Кабальеро, считал, что она должна присоединиться к Социалистическому Рабочему Интернационалу, куда входила ИСРП.

Хуан Коморера, основная фигура в ССК, выступал против присоединения новой каталонской партии к какому бы то ни было Интернационалу. В свете последующего поведения Комореры как главы ОСПК, довольно любопытно, что, согласно Бернетту Боллотену, он, «как утверждали, говорил членам исполнительного комитета своей партии, что важно помешать коммунистам захватить новую организацию».

Несколько факторов в итоге привели к прекращению споров и формальному объединению четырёх небольших каталонских партий. Бернетт Боллотен наверняка прав, когда пишет, что «под действием революции их различия стирались. Лидеры четырёх партий понимали, что превращение НКТ и ФАИ в хозяев положения оставляет им мало надежды на выживание, если они не объединят свои силы». Он добавляет: «После жарких дебатов Хуан Коморера и Рафаэль Видьелья... сняли свои возражения против вступления в Коммунистический Интернационал, и новая партия была создана»³⁰.

Даже после сведения всех четырёх групп в одно целое ОСПК изначально не была крупной партией. Боллотен подсчитал, что ко времени слияния ССК имел от 1 200 до 1 500 членов, Каталонская федерация ИСРП – от 600 до 700, Коммунистическая партия – «менее 400» и КПП – всего около 80. Однако он добавляет, что, по словам Луиса Кабо Хиорлы, члена Центрального комитета, ОСПК при своём создании насчитывала 5 000 членов³¹.

Тем не менее после создания партии её ряды стали расти быстрыми темпами. К марту 1937 г. ОСПК утверждала, что в неё входит 50 тысяч членов, что, по заключению Бернетта Боллотена, «не представляется большим преувеличением»³². Хосе Пейратс отмечает, что среди первых новобранцев ОСПК были боевики военизированного крыла экстремистской партии «Эстат Кatala», так называемые эскамотс, которые «вступили в блок» с новой партией³³.

Было по крайней мере три причины стремительного роста ОСПК. Во-первых, свою роль, бесспорно, сыграло то, что в первые месяцы Гражданской войны все политические и профсоюзные организации, поддерживавшие Республику, переживали наплыв новых сторонников. Некоторые организации были более осторожными в отборе новых членов, тогда как другие (включая коммунистов) проявляли меньше щепетильности в этом вопросе.

Но другим фактором заметного роста ОСПК, конечно, стало то, что анархисты в начале войны допустили большую стратегическую ошибку. Следуя принципу «единства рабочих», анархисты были склонны относиться ко Всеобщему союзу трудящихся как к равноправному партнёру: и в Комитете милиции, и в новых революционных администрациях

муниципалитетов, и в организации промышленных и других предприятий, конфискованных рабочими.

Хотя на большей части республиканской Испании такой паритет был полностью оправдан, так как существовало равновесие сил между двумя рабочими организациями, это определённо было не так в Каталонии, где НКТ после 19 июля пользовалась абсолютным превосходством в профсоюзном движении, а ВСТ, по словам Хосе Пейратса, «практически не существовало»³⁴. «Великодушные» анархистов по отношению к ВСТ сослужило весьма хорошую службу сталинистам, позволив им быстро распространить своё влияние.

Перед тем, как была сформирована ОСПК, ВСТ в Каталонии контролировался Каталонской федерацией Испанской социалистической партии. С созданием новой партии ВСТ автоматически перешёл под её контроль, фактически превратившись в орудие сталинистов. Далее, вскоре после формирования ОСПК, Всеобщий союз рабочих синдикатов Каталонии (ВСРСК), который откололся от ВСТ в 1934 г. и находился под контролем ССК, вернулся в его состав. Кроме того, 2 августа Автономистский центр служащих торговли и промышленности (КАДСИ), профсоюз «белых воротничков», который контролировался КПП, также присоединился к ВСТ³⁵.

11 августа 1936 г. НКТ и ФАИ усугубили свою ошибку, подписав соглашение с каталонским ВСТ и ОСПК о создании координационного комитета, включавшего по два представителя от НКТ и ВСТ и по одному от ОСПК и ФАИ. Этот комитет должен был «иметь своей задачей поиск точек соприкосновения, которые существуют между этими организациями, их обсуждение и согласование, чтобы в дальнейшем издавать ориентировки и публиковать лозунги». Пятый из девяти пунктов соглашения добавлял: «Данный комитет будет призывать входящие в него организации создавать на всех предприятиях фабричные комитеты, с пропорциональным представительством отделений НКТ и ВСТ». Шестой пункт провозглашал «взаимное уважение между профсоюзами обеих центральных организаций и свободное право для рабочих вступать в профсоюзы одной из двух центральных групп», а седьмой – «отказ от любых нападков и агрессивной критики...»³⁶

Примечательно, что ПОУМ и контролируемая ею профсоюзная организация – Рабочая федерация синдикального единства (ФОУС) не были включены в состав комитета, несмотря на то, что в тот момент они были более многочисленными и более влиятельными, чем сталинистские организации. Этот факт отражал упрощённое представление анархистов о том, что рабочее движение делится на «либертариев» и «марксистов» и если представлена одна марксистская группа, то нет необходимости привлекать другую. Это был не последний раз, когда анархисты оказались неспособны понять, что их логическим союзником в Каталонии является ПОУМ, а не сталинисты.

25 октября 1936 г. между НКТ-ФАИ и ВСТ-ОСПК был подписан новый пакт. В нём провозглашалась цель обеспечить поддержку новому правительству – Совету Хенералидада и его решениям. Также были обещаны «коллективизация средств производства», при «уважении» к мелким собственникам; муниципализация жилья; формирование Народной армии; «контроль над внешней торговлей»; национализация банков; рабочий контроль на частных предприятиях, но без принуждения по отношению к мелкой промышленности;

поддержка Объединённой новой школы; полное сотрудничество с республиканским правительством, поскольку анархисты стали его частью; отказ двух профсоюзных организаций от посягательств на права друг друга; и наконец, «совместные действия по устранению безответственных групп, которые могут, из-за недобросовестности или непонимания, поставить под угрозу выполнение этой программы»³⁷.

Поумисты критически относились к соглашению НКТ-ФАИ-ВСТ-ОСПК. Их англоязычное периодическое издание «Испанская революция» сообщало:

“ «Нам кажется, что программа, которая принята ими, ставит своей целью усилить Совет Генералитета и привязать к нему решения и действия профсоюзных организаций... Проблемы новых органов власти и новой структуры социального порядка забыты. Пакт находится в вызывающем противоречии с позицией, которую занимала НКТ; с другой стороны, он напрямую согласуется со взглядами ОСП, суть которых в том, чтобы сдерживать революционные порывы рабочих масс в границах буржуазно-демократической республики»³⁸.

Быстрый рост числа членов ОСПК и контролируемого ею ВСТ происходил не счёт перетягивания рабочих из НКТ. Лидер коммунистов Хесус Эрнандес в своей едко полемической книге, направленной против анархистов (которая была написана позднее в СССР по заданию Коминтерна), утверждал, что в первые месяцы войны «начался массовый выход из рядов НКТ, и ОСПК и ВСТ привлекли... огромные пролетарские контингенты в Барселоне и во всей Каталонии»³⁹. В действительности ничего подобного не происходило.

Франц Боркенау примерно в середине января 1937 г. писал, что если задаться вопросом, не объясняется ли рост ОСПК и ВСТ переходом рабочих из НКТ, то «таких случаев, кажется, очень мало... Противоречие между числом членов и влиянием среди рабочих, по-видимому, объясняется тем, что Коммунистическая партия изменила свой социальный характер. Наиболее очевидно это в случае каталонской ОСПК... Немногие промышленные рабочие являются членами ОСПК, но тем не менее она насчитывает 46 тысяч членов, большинство которых составляют государственные и частные служащие, владельцы небольших заведений, торговцы, офицеры, сотрудники полицейских сил, интеллектуалы, как в городе, так и в деревне, и определённое количество крестьян»⁴⁰.

Массовую опору ОСПК получила за счёт вербовки среднего класса и консервативных элементов. Согласно Бернетту Боллотену: «Чтобы защитить интересы городского среднего класса в этом регионе, коммунисты организовали восемнадцать тысяч мелких предпринимателей в Каталонскую федерацию гильдий и предприятий мелких торговцев и промышленников (сокращённо ХЭПСИ), некоторые члены которой, по выражению “Рабочей солидарности”, органа НКТ, являются “непримиримыми эксплуататорами, яростными врагами рабочих”, включая Гурри, бывшего председателя Ассоциации пошива одежды»⁴¹.

Что было верно для ОСПК, также было верно для ВСТ в Каталонии, который контролировали сталинисты. В брошюре НКТ, изданной по поводу майских событий 1937 г., отмечалось: «Рабочие в большинстве своём были организованы в синдикалистскую НКТ, мелкая

буржуазия за месяцы, минувшие после 19 июля, организовалась в ВСТ... В ВСТ вступали не только рабочие, но и торговцы, владельцы мелких предприятий и заведений, продавцы на рынках и т.п.»⁴².

Поумистский лидер Хуан Андраде взглянул на этот факт с несколько иной стороны. Он сказал, что «НКТ была причиной» роста ОСПК. По его словам, она «насколько затерроризировала многих людей, что вызвала у них реакцию и заставила считать коммунистов партией порядка»⁴³.

Бесспорным является тот факт, что ОСПК была сталинистской партией. Согласно Бернетту Боллотену:

“ «Следует помнить, что ОСПК состояла в Коммунистическом Интернационале со времени её создания. Коммунисты очень скоро стали в ней правящим ядром. Помимо того, что они контролировали её организационную работу, её печать и профсоюзную активность, они отвечали за внутривнутрипартийный надзор, так как все архивы находились в руках Хоакина Оласо, возглавлявшего контрольную комиссию партии. “Педро” – делегат Коминтерна, чьё настоящее имя было Эрнэ Герё, после Второй мировой войны ставший членом просоветского венгерского правительства, – стоял за спиной Комореры, и лидеры испанских коммунистов регулярно командировались в Барселону с директивами...

“Педро” руководил ОСПК из-за кулис, с невероятной энергией, тактом и эффективностью. Он следил за публикациями в “Труде” (Trebull), партийном органе, и, пользуясь своим прекрасным знанием каталанского, сглаживал различия в правящих кругах партии, вызывавшиеся каталонским национализмом некоторых её лидеров и их нежеланием принять централизаторские цели испанских коммунистов».

Наконец, Боллотен отмечал прямую связь между ОСПК и КПИ: «В течение нескольких месяцев Коморера и Рафаэль Видьялья... укрепили свою связь с Коммунистической партией Испании, став членами её Центрального комитета»⁴⁴.

Советы рабочих и солдат

В период Центрального комитета антифашистской милиции анархисты ввели ещё один институт, имевший большое значение в этот революционный период. Это был ряд советов рабочих и солдат, которые, согласно Хосе Пейратсу, «имели те же задачи, что и созданные в первой фазе Российской революции»⁴⁵.

Основным вдохновителем этих советов был Хуан Гарсия Оливер, который, как представитель НКТ, отвечал за военные вопросы в Центральном комитете милиции. Существовали опасения, что офицеры Гражданской гвардии, Штурмовой гвардии и

карабинеров, хотя и выступая на словах против мятежа Франко, могут тайно готовиться перейти на его сторону вместе со своими военизированными частями. Гарсия Оливер собирался помешать этому.

Прежде всего он вызвал к себе двух лидеров синдиката текстильщиков НКТ, Дионисио Эролеса и Альфонсо Мигеля. Как писал сам Гарсия Оливер много лет спустя:

“ «Я объяснил ситуацию: состояние скрытого мятежа среди некоторых офицеров Гражданской гвардии; необходимость положить этому конец без кровавых столкновений. Я доверил им двоим создание советов рабочих и солдат, своего рода синдикатов из гражданских гвардейцев, карабинеров и служащих Охранной и Штурмовой гвардии. Эти советы должны были быть смешанными, включающими представителей каждого из трёх корпусов сил общественного порядка и активистов из НКТ, для начала, а в ближайшее время также и из ВСТ...

Цель их заключалась в том, чтобы сломить дух корпорации и дисциплины и привнести новый революционный дух...»

Вскоре после этого Гарсия Оливер встретился с сержантом и двумя капрами Гражданской гвардии, присланными по его запросу майором Гуарнером, одним из его важнейших сотрудников среди кадровых военных. Он, не откладывая, повысил сержанта до майора, а капралов – до капитанов. Затем он спросил у них, верно ли то, что некоторые командующие Гражданской гвардии ведут скрытую подрывную деятельность, и они подтвердили это.

Тогда Гарсия Оливер сказал трём новоиспечённым офицерам:

“ «Это состояние мятежа немедленно должно быть прекращено. Вы сами положите ему конец, при содействии ответственных членов НКТ, товарищей Дионисио Эролеса и Альфонсо Мигеля, которые находятся здесь. Если у вас нет возражений, создавайте советы рабочих и солдат... и далее приступайте к созданию советов казарм, которые немедленно арестуют мятежных офицеров».

Когда вновь произведённый майор спросил, должны ли советы расстрелять этих офицеров, Гарсия Оливер ответил, что их следует отправить на тюремное судно «Уругвай», где они будут переданы в распоряжение военных трибуналов.

Гарсия Оливер подводит итог:

“ «Чистка в казармах Гражданской гвардии была полной. Но не многие из офицеров были отправлены на “Уругвай”. Не обостряя ситуацию, Центральный комитет Советов рабочих и солдат (Comité Central de los Consejos de Obreros y Soldados) предоставил самим офицерам решать, хотя

ли они продолжать свою службу, признав советы, или быть отправленными в качестве арестованных на “Уругвай”».

Советы рабочих и солдат были упразднены в середине 1937 г., после того как к власти пришло правительство премьер-министра Хуана Негрина⁴⁶.

Планы сотрудничества с марокканскими националистами

Анархисты, заседавшие в Центральном комитете милиции, также пытались разжечь восстание в тылу Франко в Испанском Марокко. Гарсия Оливеру и здесь принадлежала главная роль. Незадолго до начала Гражданской войны он опубликовал брошюру, где утверждал: «...Когда начнётся революция в Испании, следует попытаться, в качестве средства интернациональной защиты, вызвать восстание народов Северной Африки».

Гарсия Оливер вызвал к себе Хосе Мархели, лидера Синдиката графических искусств НКТ, чтобы расспросить о некоем сеньоре Архиле, белом уроженце Египта, с которым Мархели познакомил его за пару месяцев до начала войны. Этот человек, как оказалось, представлял Панисламский комитет и имел контакты с марокканскими националистами. Архила предложил отправить каталонскую делегацию в Женеву для встречи с КАМ – Комитетом марокканского действия (Comité de Acción Marroquí).

Когда каталонская делегация вернулась из Женевы, с ней прибыли три члена КАМ. Каталонцы предложили оружие и другую помощь марокканским повстанцам, но их представители колебались, опасаясь вмешательства французов, контролировавших большую часть Марокко, в случае восстания в испанской зоне. Они хотели, чтобы республиканское правительство приняло участие в переговорах и постаралось получить от Франции согласие на действия в Испанском Марокко.

Гарсия Оливер и другие каталонские представители обещали, что, если КАМ подпишет соглашение с Центральным комитетом милиции, каталонцы обратятся к испанскому правительству и уговорят его обсудить этот вопрос с французами. Пакт, составленный в трёх экземплярах – для КАМ, для Центрального комитета и для испанского правительства, – был подписан в резиденции Центрального комитета. Когда Гарсия Оливер сообщил о соглашении премьер-министру Хосе Хиралю, тот отправил в Барселону одного из своих министров, Хулио Хуста, который подробно обсудил этот вопрос с каталонцами и забрал третий экземпляр пакта для передачи Хиралю. Но, как пишет Гарсия Оливер:

“ «Несколько дней спустя правительство, возглавляемое Хиралем, ушло в отставку, и я больше ничего не слышал о том, что случилось с пактом. Полагаю, они даже не решились поднять этот вопрос перед французским правительством»⁴⁷.

Мне удалось выяснить, что Карлос де Барайбар, важная фигура в новом правительстве Франсиско Ларго Кабальеро, также интересовался возможностью восстания марокканских националистов, среди которых у него были друзья. Однако ему не удалось преодолеть опасения Ларго Кабальеро, что выступление в Марокко вызовет враждебную реакцию у Франции, которая, как всё ещё надеялся премьер-министр, могла бы помочь республиканскому правительству в Гражданской войне⁴⁸.

Вхождение анархистов в каталонское правительство

Двоевластие Хенералидада и Центрального комитета милиции сохранялось в Каталонии больше двух месяцев. Коммунистическая история Гражданской войны верно отмечает: «Здесь существовало две власти: законная, официальная власть, которая принадлежала правительству... и реальная, действующая власть, которая принадлежала Комитету милиции и, фактически, анархистам»⁴⁹. Это поразительно напоминало ситуацию в России с марта по октябрь 1917 г., когда Советы представляли собой вторую власть по отношению к Временному правительству, – о чём коммунисты не стали говорить в своём труде, поскольку на этот раз «реальная» власть не попала в их руки.

Такое положение сохранялось до 27 сентября 1936 г. В этот день НКТ и ФАИ, а также ОСПК и ПОУМ вошли в правительство Каталонии, и через несколько дней Комитет милиции был распущен.

Авторы давали разные объяснения этому радикальному разрыву анархистов с их идеологией и традицией. Сесар Лоренсо, чей отец Орасио Прието в то время был национальным секретарём НКТ, утверждал, что лидеры анархистов осознали необходимость прекратить беспорядочную ситуацию, существовавшую в Каталонии на протяжении первых двух месяцев войны, когда каждый революционный комитет осуществлял практически суверенную власть в своём населённом пункте и каждая партия и профсоюз имели свои собственные военные и полицейские силы⁵⁰.

Диего Абад де Сантильян, с другой стороны, связывает решение каталонских анархистов с их растущей убеждённости в том, что, пока Комитет милиции де-факто является правительством региона, республиканское правительство в Мадриде не станет предоставлять Каталонии финансовую помощь и военное снаряжение, необходимые для ведения войны в Арагоне; это же обстоятельство, как считалось, было одной из главных причин очевидной враждебности демократических государств, в особенности Великобритании и Франции, по отношению к республиканскому делу. Согласно Абаду де Сантильяну, анархические лидеры надеялись, что эти препятствия для продолжения войны и революции могут быть преодолены, если они создадут общекаталонское правительство, где будут представлены все антифашистские силы, и ликвидируют Комитет милиции⁵¹.

Со своей стороны, Хуан Гарсия Оливер объяснял решение анархистов не столь благородными побуждениями. Он утверждал, что руководство НКТ и ФАИ

«бюрократизировалось». В ходе этого процесса «определённые, анархические на вид группы лишись сна, выискивая предлог покончить с Комитетом милиции и стремясь во что бы то ни стало взять на себя правительственные функции»⁵².

Официальное обращение Полуостровного комитета ФАИ и нескольких групп НКТ так объясняло вхождение анархистов в каталонское правительство:

“ «Это был первый шаг. Если бы организация не решилась на это, новое правительство было бы создано без НКТ, и сторонники Объединённой социалистической партии Каталонии... усилили бы свои позиции; фактически они уже использовали в своих интересах ожидаемую помощь из России и замыслили военные проекты, против которых нам пришлось выступить по идейным причинам... Мы оказались бы в невыгодном положении, если бы оставались вне правительства. Мы были хозяевами улиц, большая часть оружия находилась в наших руках. Но разве могли мы использовать это оружие преступным образом и развязать на этих улицах братоубийственное сражение, которое поставило бы под угрозу исход борьбы на фронте?..»⁵³

Были каталонские и испанские анархисты, которые выступали против вхождения представителей их движения в каталонское правительство и впоследствии правительство Республики. Хосе Пейратс, в то время лидер «Либертарной молодёжи», который сам выступал против этих шагов, говорил:

“ «В начале периода правительственного соглашения НКТ активисты из Бахо-Любрегата, верные анархическому радикализму, составляли оппозицию против участия НКТ-ФАИ в правительствах и милитаризации милиции. В Оспиталет-де-Любрегате они издавали “Идеи” (Ideas), в которых подвергали критике либертарный уклонизм»⁵⁴.

Однако Пейратс также прокомментировал трудности, встававшие перед теми, кто выступал против этого фундаментального компромисса в отношении анархической теории и философии:

“ «По прошествии многих лет я думаю, что те из нас, кто последовательно выступал против правительственного тезиса, не могли предложить никакого решения проблем того времени, кроме стоического и героического жеста. Я также думаю, что тогда имело место негласное соучастие многих активистов, выступавших против сотрудничества, которые раздражались праведным гневом и в то же время позволяли этому происходить. И всё же они были искренними в своей позиции, искренними в своём бессилии. Они не могли предложить иного выхода...»⁵⁵

Независимо от того, какими были мотивы анархических лидеров, предложение войти в правительство, по всей видимости, поступило от президента Компаниса в конце августа. За этим приглашением последовал региональный пленум всех местных и комаркальных групп каталонских НКТ, ФАИ и «Либертарной молодёжи». Сесар Лоренсо в своём описании данного пленума (о котором Гарсия Оливер не упоминает в своих мемуарах) отмечает, что Гарсия Оливер решительно выступал за то, чтобы анархисты взяли всю власть в свои руки, упразднили Хенералидад и сделали Комитет милиции правительством региона. Однако пленум отклонил этот вариант и в принципе одобрил идею о вхождении НКТ в каталонское правительство. Любопытным образом, на том же пленуме было решено, что ФАИ как таковая не должна входить в правительство: это было до некоторой степени приемлемо для НКТ как профсоюзной организации, хотя и анархо-синдикалистской ориентации, однако неприемлемо для ФАИ, идейной анархической группы⁵⁶.

Переговоры относительно формального вхождения НКТ в Хенералидад, очевидно, продолжались несколько недель. Наконец, 24–26 сентября состоялся региональный конгресс синдикатов НКТ, официально созданный для обсуждения экономической ситуации в регионе. На весьма нетипичном закрытом заседании конгресса было утверждено соглашение о передаче НКТ трёх постов в новом правительстве, которое стало называться Советом Хенералидада (Consejo de la Generalidad); изменение названия, как впоследствии признала ФАИ, было «детской уступкой чувствам анархистов»⁵⁷.

Новыми министрами, представлявшими НКТ в кабинете, возглавляемом Хосе Таррадельясом из ЭРК, были Хуан П. Фабрегас, советник по экономике; Хосе Х. Доменек, советник по снабжению; и Антонио Гарсия Бирлан, советник по здравоохранению и социальному обеспечению⁵⁸. Интересно, что Гарсия Бирлан входил в ФАИ, но не являлся членом НКТ с 1917 г., а Фабрегас вступил в НКТ уже после начала Гражданской войны⁵⁹.

Однако с объявлением о включении министров от НКТ процесс интеграции анархистов в правительство Каталонии ещё не был завершён. Резолюция регионального конгресса синдикатов НКТ, одобрявшая вхождение этих трёх представителей в Хенералидад, не призывала к роспуску Комитета милиции, который продолжал существовать.

Четверо из пяти анархистов в Комитете милиции – Гарсия Оливер, Аурелио Фернандес, Маркос Алькон и Хосе Асенс – испытывали серьёзные сомнения по поводу вхождения в правительство. Особые подозрения вызывали у них те ведомства, которые были отведены НКТ и которые, по словам Гарсии Оливера, были «похожи на три департамента городского совета Барселоны». После оглашения состава нового кабинета эти четыре лидера встретились, чтобы обсудить дальнейшие действия.

Они решили, что, поскольку не было никакого официального постановления о роспуске Комитета милиции, следует продолжать каждый вечер проводить его заседания, как было принято. Только когда президент Компанис и премьер-советник Таррадельяс согласились ввести в департаментах обороны и внутренней безопасности должности генеральных секретарей, назначив на них, соответственно, Гарсию Оливера и Аурелио Фернандеса (которые занимались данными вопросами в Комитете милиции) и признав, что они «фактически будут управлять этими департаментами», – только после этого они

согласились на упразднение Комитета милиции.

В соответствии с их решением, Комитет милиции заседал по вечерам с 27 по 30 сентября. Хотя на этих заседаниях не рассматривалось много вопросов, присутствовали все постоянные члены. Наконец, 30 сентября Артемио Айгуадер, член ЭРК и вновь назначенный советник по внутренней безопасности, посетил кабинет Аурелио Фернандеса, который всё ещё осуществлял обязанности заведующего внутренней безопасностью Комитета милиции, и предложил ему должность генерального секретаря в Департаменте внутренней безопасности, со всеми полномочиями по управлению им. Вскоре после этого полковник Фелипе Диас Сандино, новый советник по обороне, вместе с премьер-советником Таррадельясом посетил Гарсию Оливера и сделал ему аналогичное предложение.

Фернандес и Гарсия Оливер ответили согласием, и 1 октября 1936 г. об их назначениях было объявлено в официальном бюллетене каталонского правительства. В тот же вечер Комитет милиции провёл своё последнее официальное заседание. Гарсия Оливер, который фактически являлся его председателем, произнёс прощальную речь, подводя итоги работы Комитета милиции за два с небольшим месяца его существования. Было решено, что члены Комитета милиции продолжат регулярно проводить заседания в качестве совещательной коллегии при генеральном секретаре Департамента обороны⁶⁰.

Роль анархистов в Хенералидаде (сентябрь – декабрь 1936 г.)

В предыдущих главах я обсуждал деятельность Хуана П. Фабрегаса на посту советника по экономике и Хосе Х. Доменека на посту советника по снабжению. Я также рассматривал руководство каталонскими вооружёнными силами при Хуане Гарсии Оливере (и позднее Хуане Мануэле Молине), как генеральном секретаре обороны, и полицейскими силами при Аурелио Фернандесе, как генеральном секретаре внутренней безопасности. Кроме того, мы отмечали ту важную роль, которую играли анархисты в реорганизации системы народного образования Каталонии.

Достаточно сказать, что начиная с их вхождения в Хенералидад и до правительственного кризиса в декабре 1936 г. анархисты осуществляли в каталонском кабинете ключевые функции. Вопросы экономики – связанные с распределением товаров между потребителями и легализацией коллективов, организованных рабочими в большинстве городов Каталонии, – по большей части оставались под контролем НКТ. Вооружённые силы каталонского режима, как в самой Каталонии, так и в Арагоне и других местах, где сражались каталонские войска, также в основном находились под ответственностью анархистов.

Аналогичным образом, поддержание общественного порядка осуществлялось контрольными патрулями под контролем анархистов. Однако в последние месяцы 1936 г. произошла значительная перегруппировка старых полицейских сил, Гражданской гвардии (которая теперь называлась Национальной республиканской гвардией) и Штурмовой гвардии, что впоследствии должно было вызвать большие проблемы для анархистов⁶¹.

Одной из мер Хенералидада, с которой согласились его члены от НКТ и которая в будущем также обернулась для анархистов неприятностями, был роспуск местных революционных комитетов, созданных по всему региону с началом Гражданской войны. Кампания против ревкомов направлялась ОСПК и в частности Хуаном Коморерой, который призывал «законную власть противостоять диктатуре комитетов». Премьер-советник Таррадельяс также требовал изменений в муниципальном управлении, утверждая, что если Комитет милиции на региональном уровне уступил место Совету Хенералидада, то и ныне действующие муниципальные органы должны уступить место законно созданным⁶².

В соответствии с новым декретом, аюнтамьенто (муниципальные советы) должны были заменить собой революционные комитеты. Места в каждом аюнтамьенто должны были распределяться между партиями и профсоюзами, представленными в правительстве Хенералидада. Каждая организация получала по три места в аюнтамьенто на каждое место в Совете Хенералидада⁶³.

НКТ приняла эту договорённость. Как утверждает Виктор Альба, она поступила так потому, что это «давало ей в аюнтамьенто силу, которой ей не доставало на местах». Сопrotивление данному нововведению оказывала в первую очередь ПОУМ, по крайней мере на местном уровне, особенно в Лериде, где партия полностью преобладала в революционном комитете⁶⁴.

Виктор Альба указывает, что ОСПК больше всего выиграла от реорганизации муниципальных властей. До того ОСПК имела небольшое представительство в комитетах, и она смогла расширить его в новых аюнтамьенто⁶⁵.

Эта реорганизация муниципалитетов предвещала возможное существенное ослабление политической власти анархистов в будущем. Пока у них были сильные позиции в правительстве Каталонии, они пользовались соответствующим влиянием и в местных органах. Но ситуация должна была измениться, как только они оказались бы за пределами Хенералидада.

Согласно Жозепу Марии Брикалю, «...роспуск комитетов не был мгновенным, новые советы создавались постепенно в соответствии с политикой нового режима, который, со своей стороны, предоставил им значительные преимущества и расширенные полномочия»⁶⁶.

В целом, с 27 сентября до середины декабря 1936 г. в Совете Хенералидада три члена от НКТ и Андрес Нин от ПОУМ, как правило, находились на одной стороне, а представители ОСПК-ВСТ и каталонских республиканских партий – на другой. Иногда побеждала точка зрения НКТ-ПОУМ, но часто они терпели поражение.

Одним из проваленных предложений НКТ-ПОУМ было установление монополии во внешней торговле региона, что для регионального правительства было единственным практически осуществимым способом получить доступ к иностранной валюте, необходимой для приобретения оружия, техники для военной промышленности и сырья. Тем не менее сталинисты и каталонисты – несмотря на их предполагаемую горячую поддержку каталонской автономии – отклонили эту идею.

Другим вопросом, по которому столкнулись две стороны, был декрет, легализовавший каталонские рабочие коллективы. Когда он впервые был поставлен на обсуждение, Хуан Коморера от имени ОСПК предложил провести национализацию промышленности региона вместо её коллективизации. Только столкнувшись с угрозой отставки представителей НКТ и ПОУМ в Хенералидаде, ОСПК и каталонисты отозвали это предложение⁶⁷. Как мы отмечали ранее, закон о коллективизации хотя и был далёк от совершенства по мнению анархистов, но в общем оказался для них приемлемым.

Жозеп Мария Брикаль обратил внимание на значение участия анархистов в правительстве для каталонской автономии:

“ «Можно сказать, что правительство Каталонии стало единственным обладателем политической власти... Лидеры сэнэтистов выразили намерение верно сотрудничать в Хенералидаде и в политике, проводившейся его правительством в этот период, которая была призвана необычайно усилить власть Хенералидада, перед лицом новой ситуации в отношениях между автономным регионом и центральным правительством, преодолеть проблемы общественного порядка и власти местных комитетов, установить контроль над новой экономикой через кредит и казначейство»⁶⁸.

Анархисты и Антонов-Овсеенко

1 октября 1936 г. в Барселону прибыл назначенный сюда, впервые за всё время, советский генеральный консул. Им был Владимир Антонов-Овсеенко. Следующие несколько месяцев он играл весьма важную роль в политике Каталонии, стремясь, с одной стороны, усилить ОСПК, а с другой – ослабить (и затем уничтожить) ПОУМ и далее подорвать позиции анархистов.

Согласно Хулиану Горкину, Антонов-Овсеенко был «подлинный герой Октября, выдвинутый Троцким как председателем Петроградского Совета и Военно-революционного комитета... Верный друг и приверженец Троцкого с 1923 по 1927 год, в 1928 году он вынужден был написать, что признаёт свои прошлые ошибки...»⁶⁹ Антонов-Овсеенко и Андрес Нин, глава ПОУМ к началу Гражданской войны в Испании, тесно сотрудничали в прошлом, будучи членами «левой оппозиции» в Советском Союзе⁷⁰.

Иронично, ввиду последующих событий, что именно Андрес Нин приветствовал Антонова-Овсеенко от имени каталонского правительства на церемонии аккредитации, через несколько дней после прибытия генконсула. Причина была в том, что он являлся единственным членом каталонского правительства, который говорил по-русски⁷¹.

Советский историк Рой Медведев обрисовал значение миссии Антонова-Овсеенко в Каталонии:

■

«Наделённый чрезвычайными полномочиями, он должен был организовать ликвидацию анархистских групп в Каталонии, крайне левой организации ПОУМ, которую тогда называли “троцкистской” или “полутроцкистской” партией, и всех других “троцкистов”. И хотя анархисты и левые группы в Каталонии активно боролись против фашизма, их быстро ликвидировали не без участия Антонова-Овсеенко. А через год он сам был вызван в Москву и расстрелян как “троцкист”»⁷².

Вскоре почти всем стало ясно, что Антонов-Овсеенко был прислан в Барселону с политической задачей. Однако очевидно было и то, что Сталин и его соратники не слишком доверяли новому генконсулу. Бернетт Боллотен отмечает, что Эрнэ Герё, агент Коминтерна и ГПУ, основной задачей которого было контролировать ОСПК, также «наблюдал за действиями В. А. Антонова-Овсеенко, советского генерального консула в Барселоне»⁷³.

Генконсул, не теряя времени, включился в каталонскую политику. Вскоре после прибытия он встретился с региональными лидерами НКТ. Годы спустя Диего Абад де Сантьян сообщил Виктору Альбе:

“ «Я помню, как бедный Антонов начал свою дипломатию с того, что сказал нам, что присутствие Нина в Хенералидаде вызывает у Сталина великую печаль». Сантьян добавил: «Этого было достаточно, чтобы мы сдружились с ним (Нинем)»⁷⁴.

Хотя Антонов-Овсеенко и публично, и «конфиденциально» давал понять, что является непримиримым врагом ПОУМ, он не предпринимал открытых нападений на анархистов. Так, он был одним из ораторов на похоронах Буэнавентуры Дуррути 22 ноября, вместе с лидерами НКТ Хайме Магриньей и Хуаном Гарсией Оливером и президентом Компанисом⁷⁵.

К концу ноября Антонов-Овсеенко вступил в открытую полемику с ПОУМ. Официальная нота генконсульства, опубликованная 22 ноября в ответ на передовицу в «Борьбе» (La Batalla), ежедневнике ПОУМ, гласила: «...Среди органов каталонской прессы есть листок, который взялся поддержать фашистскую кампанию. В своём номере от 13 ноября “Борьба” попыталась предоставить материал для фашистских инсинуаций. Генеральное консульство СССР в Барселоне с презрением отвергает прискорбные измышления этого листка»⁷⁶.

После того, как 9 декабря президент Компанис призвал к «сильному правительству», фактически спровоцировав правительственный кризис, Антонов-Овсеенко 12 декабря провёл встречу с лидерами НКТ и затем с лидером ОСПК Хуаном Комомерой. Позднее, в этот же день, премьер-советник Хосе Таррадельяс также встретился с советским генконсулом, после чего сообщил журналистам: «Нет смысла отрицать, что возникла проблема общеполитического характера»⁷⁷.

Однако, даже приложив руку к декабрьскому кризису в каталонском правительстве, Антонов-Овсеенко не стал демонстрировать свою враждебность, как представителя советского правительства, к каталонским анархистам. Более того, 22 декабря, по окончании кризиса, «Manchester Guardian» опубликовала интервью с ним, в котором он «выражал

восхищение анархо-синдикалистами»⁷⁸.

Гарсия Оливер утверждает, что Антонов-Овсеенко в течение своего пребывания Барселоне проявлял к испанским анархистам двойственное отношение. Он вспоминал последнюю встречу с советским генконсулом, незадолго до того, как Антонов-Овсеенко вернулся в Советский Союз, уверенный, что будет расстрелян по приказу Сталина. На том ужине они вели дискуссию на политико-философские темы, и Антонов-Овсеенко признал:

“ «...Я вспоминал сцены, пережитые мной в другое время, в начале революции в России. Три вещи особенно поразили меня, когда я приехал в Барселону, и все три были вашей работой: мобилизация военной промышленности, Совет рабочих и солдат и Народная военная школа»⁷⁹.

Анархисты и декабрьский правительственный кризис 1936 г. в Каталонии

Бесспорно, хотя анархисты в течение нескольких месяцев после формального вхождения в правительство Каталонии продолжали контролировать основные источники власти в регионе – вооружённые силы, экономику и по крайней мере часть полиции, – можно не сомневаться в том, что их относительное влияние в этот период убывало. В то же время позиции сталинистов из ОСПК значительно усилились, благодаря тому, что их партия стала точкой притяжения мелкобуржуазных и консервативных элементов, боявшихся анархической революции, а также благодаря прямой поддержке со стороны советских и коминтерновских агентов, прибывших в регион после реорганизации каталонского правительства в сентябре 1936 г.

Общая расстановка сил в Каталонии пока не позволяла сталинистам вступить в открытую борьбу с НКТ-ФАИ (которая началась лишь в середине 1937 г.). Однако к середине ноября ОСПК почувствовала себя достаточно сильной для того, чтобы попытаться исключить из каталонского правительства диссидентскую коммунистическую партию ПОУМ, тем самым лишив анархистов потенциального союзника.

Франц Боркенау несколько месяцев спустя писал о ПОУМ: «Трудно сказать, чем в большей степени вызывалась ненависть к ней ОСПК, её антисталинизмом в русских делах или же её крайне левыми тенденциями в испанских вопросах»⁸⁰. Пресса ПОУМ осудила Первый Московский процесс, прошедший в августе 1936 г., основными жертвами которого стали Григорий Зиновьев и Лев Каменев. Кроме того, незадолго до декабрьского кризиса Андрес Нин разговаривал с президентом Компанисом о возможности предоставления убежища Льву Троцкому, который под давлением советского правительства был вынужден покинуть Норвегию⁸¹. На местах ПОУМ стремилась сохранить новые революционные институты,

созданные после 19 июля, и, как мы уже отметили, особенно сопротивлялась роспуску муниципальных революционных комитетов.

По-видимому, первым шагом ОСПК, направленным на устранение ПОУМ, стал документ, переданный 24 ноября членам кабинета от НКТ, в котором предлагалось исключить Нина и создать новое «полновластное» правительство. В следующие недели не только ОСПК, но и каталонисты, с президентом Компанисом во главе, призвали к «сильному правительству, наделённому всеми полномочиями и способному утвердить свою власть над каждым»⁸².

Бернетт Боллотен отмечает, что «более трёх недель анархо-синдикалистские лидеры решительно выступали против требований ОСПК»⁸³. Франц Боркенау также писал, что лидеры НКТ «понимали, что их самих затрагивает это нападение», предпринятое ОСПК на ПОУМ⁸⁴.

Однако есть причины считать, что лидеры анархистов не осознавали в полной мере долгосрочных последствий этой безжалостной атаки сталинистов. Они были склонны воспринимать конфликт ОСПК и ПОУМ как семейную ссору среди марксистов, которая напрямую не затрагивает интересы анархистов.

Это отношение было отражено в обращении Регионального комитета НКТ, изданном 13 декабря, в разгар правительственного кризиса. В нём проблема была обрисована как «текущий конфликт между двумя секторами ВСТ – ПОУМ и ОСПК, – представленными в Совете Хенералидада, борьба, обострённая попытками сместить или быть смещёнными с постов, которые они занимают в этом Совете».

Это обращение говорило, что НКТ останется верна своему «обещанию уважать договор, заключённый между всеми антифашистскими организациями при создании Совета Хенералидада Каталонии. Мы не требовали и не требуем представительства, которое соответствовало бы силе несомненного большинства». Однако не давалось никаких комментариев по поводу требования исключить ПОУМ из состава правительства⁸⁵.

Виктор Альба прав, когда пишет:

“ «Лидеры НКТ и ФАИ не видели, что проблемой момента были не идеологические разногласия между марксистами и анархистами, а столкновение революции и контрреволюции. Если бы они осознали, что в реальности спор идёт не между либертариями и марксистами, а между революционерами и контрреволюционерами, тогда они поняли бы, что между НКТ и ПОУМ было гораздо больше общего, чем между НКТ и ВСТ, контролировавшимся коммунистами...»⁸⁶

Но анархисты усвоили этот тяжёлый урок лишь тогда, когда было слишком поздно. «Всё время, пока они пользовались превосходством, анархисты довольно грубо обращались с ПОУМ», – отмечал Франц Боркенау⁸⁷. Наиболее очевидно этот факт проявился в отношении сэнэтистов к проблеме профсоюзного движения в Каталонии.

В этом регионе существовало три профсоюзных организации, лояльных Республике, что контрастировало с ситуацией на большей части лоялистской Испании, где действовали только НКТ и контролируемый социалистами ВСТ. Под контролем ПОУМ находилась так называемая Рабочая федерация синдикального единства (ФОУС), созданная в начале 1936 г., которая пользовалась влиянием в Лериде и Хероне и имела значительное число сторонников в Таррагоне⁸⁸. Как сообщают источники, ко времени начала Гражданской войны она была более крупным и значительным объединением, чем ВСТ в Каталонии⁸⁹.

Анархисты, упрощённо делившие рабочее движение на либертарное и марксистское, не смогли найти в своей модели места для третьей центральной профсоюзной организации в Каталонии. Когда, при поддержке НКТ-ФАИ, каталонское правительство издало декрет, гласивший, что все работники должны состоять либо в профсоюзах НКТ, либо в профсоюзах ВСТ^{89а}, ФОУС тем самым была обречена на исчезновение, без каких-либо возражений со стороны анархистов.

В этих обстоятельствах НКТ отказалась принимать профсоюзы ФОУС – или её членов – в свои ряды, на том основании, что они были марксистами. Вследствие этого ФОУС была вынуждена самораспуститься, а её организации вошли в состав ВСТ. Хотя в бывших профсоюзах ФОУС недолгое время сохранялись отголоски влияния ПОУМ, оно вскоре подошло к концу. По мере того, как происходило усиление и централизация каталонского ВСТ под руководством сталинистов, поумистские лидеры были вытеснены со всех ответственных постов в региональном ВСТ и его отделениях.

Игнасио Иглесиас, вероятно, прав, когда определяет решение анархистов в отношении профсоюзов ФОУС как одну из четырёх главных политических ошибок НКТ-ФАИ в первый год Гражданской войны⁹⁰. Это решение означало разрушение профсоюзной базы ПОУМ, не к выгоде НКТ, а в интересах сталинистов.

Хотя с августа по декабрь 1936 г. каталонские анархисты, возможно, несколько изменили свой взгляд на реалии, стоявшие перед ними, они всё ещё не были готовы на большее, чем пассивное сопротивление исключению ПОУМ из Совета Хенералидада. Франц Боркенау говорит, что для того, чтобы переубедить анархистов и других несогласных с изменениями в каталонском правительстве, русские задержали некоторые поставки оружия и других материалов, которые должны были прийти по графику⁹¹. Бернетт Боллотен приписывает такое же утверждение Рудольфу Роккеру⁹². В конце концов НКТ-ФАИ пошла на компромисс, позволявший ей сохранить лицо. Было решено, что реорганизованное правительство будет непартийным. Официально из правительства исключалась не только ПОУМ, но и ОСПК. Однако Хуан Коморера и другие члены ОСПК из прежнего кабинета оставались на своих местах, теперь в качестве представителей ВСТ, что, конечно, не имело для них никакого значения⁹³.

Лидерам НКТ ещё было чему поучиться, о чём можно было судить по передовой статье в «Рабочей солидарности»:

“ «При таком решении кризиса мы видим, что ни у кого нет причин для какого-либо недовольства или упрёков. Два соперника, ПОУМ и ОСПК, чей

конфликт привёл нас к нынешним переменам, были исключены из Совета Хенералидада. Обе они представлены в ВСТ... обе вырастают из одной идеологической ветви, хотя их разделяют незначительные различия в позиции и тактике. По нашему мнению, ни одна из них не имеет права на крики протеста»⁹⁴.

Однако ежедневная газета ПОУМ «Борьба» в своём отзыве на произошедшие события оказалась ближе к истине:

“ «Теперь, когда ОСПК решила свою первоочередную задачу, верит ли кто-нибудь в то, что она откажется от своих намерений?.. Устранив нас, она достигла своей предварительной цели. В настоящий момент она не чувствует себя достаточно сильной, чтобы идти дальше»⁹⁵.

Должно было пройти ещё пять месяцев, прежде чем ОСПК почувствовала себя достаточно сильной, чтобы бросить вызов своему настоящему врагу, анархистам, и положить начало кровавым Майским дням 37-го. Тем временем советская «Правда» в номере от 17 декабря 1936 г. раскрыла их планы на будущее:

“ «В Каталонии чистка троцкистских и анархо-синдикалистских элементов уже началась, и она будет проводиться с той же энергией, что и в СССР»⁹⁶.

Версия #1

Зверобой создал 11 мая 2025 12:51:51

Зверобой обновил 11 мая 2025 13:01:12